

Политика Ирана в Закавказье

Семед Семедов,
кандидат философских наук

Образование трех независимых государств на Кавказе после распада СССР создали Ирану благоприятные условия для продвижения своих интересов в регионе.

С начала 90-х годов “наблюдается тенденция к активизации усилий соседних стран дальнего зарубежья по различным каналам на Кавказе и в Центральной Азии”¹. Причем продвижение идет как по линии освоения информационно-идеологического пространства мусульманских районов Кавказа, так и по пути наращивания своего экономического присутствия в Закавказье.

Иран, также как и Турция, традиционно считал Россию основной угрозой своей территориальной целостности и независимости. До 90-х годов XX в. Турция и Иран определяли свою внешнеполитическую стратегию в рамках конфронтации между СССР и Западом.

В 90-е годы произошел фундаментальный сдвиг в основах мироустройства. “Эти сдвиги связаны прежде всего с тем, что с политической карты Евразии исчезло государство, занимавшее (в терминологии Х.Макиндера) “материковую сердцевину мира (*the Heartland*)”. Это изменило все основные геополитические определения на Евразийском суперконтиненте... Данные сдвиги в наибольшей степени коснулись государств и народов Центральной Азии и Кавказа, а в ряде случаев прямо-таки ударили по ним”².

Чтобы не допустить возвращения России в клуб великих держав, один из идеологов американского гегемонизма З.Бжезинский предлагал (1994 г.) следующее: стратегия США в Евразии должна состоять в “поощрении геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза” независимо от того, в каком направлении пойдет развитие новой демократической России³.

Это был недвусмысленный призыв к “балканизации” территориально-государственных образований Кавказа и Центральной Азии. Это необходимо учитывать при анализе международных отношений на Кавказе. При этом политика Ирана на Кавказе зависит, в том числе, и от политики США в регионе.

В целом есть 5 основных факторов, которые ограничивают деятельность Ирана на Кавказе:

- стремление Соединенных Штатов ограничить влияние Ирана в регионе;
- сильная конкуренция региональных игроков;
- внутренние кризисные конфликты на Кавказе;
- слабость экономического потенциала Ирана для активного участия в больших региональных проектах;
- особые трудности Ирана в кавказском регионе.

Анализ этих факторов показывает, что все они связаны с “тяжелой тенью политики над экономикой”, то есть “экономические принципы и относительные преимущества в этих проектах имеют подчиненное значение. Лозунги звучат под мотивами стратегических условий и национальной безопасности, но часто эти лозунги необоснованны и не совпадают с экономическими показателями”⁴.

Внешнеполитическая доктрина Ирана

С изменением баланса сил на Среднем Востоке и обострением борьбы за энергоресурсы Персидского залива и Каспия Иран стал одной из “горячих точек” международной политики. Во многом это положение обусловлено стремлением Тегерана к обладанию ядерным оружием.

После Исламской революции (1979 г.) Тегеран сформировал ряд принципов своей внешней политики.

Тогда главным врагом был признан Запад в широком смысле этого слова, а США и Израиль – в узком.

В перечне противников также находились консервативные арабские режимы, однако противостояние с ними основано не на политике, как таковой, а на религии: на противостоянии шиитской версии Ислама (в Иране) и суннитской (в большинстве арабских государств). Иран никогда не налаживал отношения, основываясь на принципе “мусульманской солидарности”, он поддерживал и поддерживает только группировки единоверцев-шиитов.

СССР иранские лидеры долгое время считали “малым Сатаной” (за действия в Афганистане), однако никогда не переносили свою критику в сферу реальной политики – они воспринимали Москву как эффективный “противовес” США.

На международной арене Иран стремится к быстрейшему разрешению проблем в отношениях с различными странами и проводит политику, направленную на активизацию сотрудничества.

Прежде всего он ставит следующие задачи:

- решение Каспийской проблемы;
- развитие сотрудничества с арабскими странами, государствами Центральной Азии и Кавказа;
- развитие отношений с Россией, странами Европы и США.

Становясь решающей силой в регионе Персидского залива, Исламская Республика Иран (ИРИ) выступает как главный выразитель интересов исламского мира в борьбе Палестины против Израиля. Поэтому в урегулировании арабо-израильского конфликта все более будет приниматься в расчет позиция Тегерана, для которого это может стать важным рычагом давления на США.

ИРИ проводит политику консолидации со странами арабского мира, в том числе активизирует отношения с Саудовской Аравией, с которой подписан договор о безопасности; возобновляются дипломатические отношения с Алжиром; наметились тенденции к восстановлению отношений с Египтом.

Одним из приоритетных направлений внешней политики Ирана является кавказское. С традиционными соперниками в регионе – Россией и Турцией – в данный исторический период Иран находит все больше точек соприкосновений. Во главу угла своей кавказской политики Исламская Республика ставит прагматичные, в первую очередь, экономические цели. Политика Ирана “не вступает в противоречие с национальными интересами России”¹.

Главное в кавказской политике Ирана – не допустить усиления пози-

ций нерегиональных держав на Кавказе, прежде всего США и Израиля.

Несмотря на то, что Иран продолжает оставаться клерикальной страной с официально закрепленными конституцией формами государственного устройства, дающими большие полномочия религиозным структурам, продолжается активная либерализация общества. Теория экс-президента М.Хатами (с 1997 г. по 2005 г.) “диалог цивилизаций” остается одной из важнейших составляющих иранской внешнеполитической доктрины⁵.

В настоящее время во внешнеполитической стратегии, с одной стороны, возрастает роль принципа экономической целесообразности, а с другой – “религиозное начало и политика в исламе неразрывны...”. “Внешняя политика Тегерана осуществляется под постоянным координированным воздействием таких факторов, как религиозная идеология, выраженная в концепциях имама Хомейни, и практика международного сообщества⁶.”

В Иране существует уникальная система государственного управления.

Согласно конституции страны*, избираемый на прямых общенациональных выборах президент страны** имеет намного меньше власти, чем Верховный Лидер (ныне Аятолла Али Хаменеи, сменивший творца Исламской революции Аятоллу Рухоллу Хомейни).

Верховный Лидер возглавляет Высший Религиозный Совет Ирана, является главнокомандующим войсками Ирана и Корпуса Стражей Исламской Революции, контролирует вооруженные силы и спецслужбы, один имеет право объявлять войну, назначать руководителей судебной системы, ру-

ководителей государственных радио и ТВ и т.д. Его представители работают на всех уровнях и во всех эшелонах власти.

Поэтому Верховный Лидер имеет право вмешиваться практически во все вопросы государственного управления.

Президент Ирана назначает главу МИД (ныне его возглавляет Манучехр Моттаки) и главу специального органа – Высшего Совета Национальной Безопасности, который отвечает за фундаментальные принципы внешней политики. Совет до недавнего времени возглавлял известный дипломат (главный переговорщик по ядерным вопросам) Али Лариджани. Совет подчиняется Аятолле Али Хаменеи, который может заблокировать решения, принятые Советом, или предложить иные варианты.

Кроме Высшего Совета Национальной Безопасности, в выработке внешней политики Ирана участвуют и иные властные структуры.

В первую очередь – это парламент (маджлис), который одобряет (или не одобряет) международные соглашения и контракты. Решения маджлиса могут быть оспорены Советом Стражей Исламской Революции, который состоит из 6 консервативно настроенных юристов и 6 религиозных деятелей (назначаются Верховным Лидером). Совет имеет право накладывать вето на законы и любые иные решения парламента.

Другой орган власти – Консультативный Совет – является арбитром в спорах между маджлисом и Советом Стражей Исламской Революции. Консультативный Совет, полномочия которого в последние годы были значительно расширены, ныне возглавляет бывший президент Ирана Али Хашеми Рафсанджани, которого многие исследователи называют “серым кардиналом” иранской внешней политики.

Один из важных акторов в структуре власти ИРИ является – Корпус Стражей

* Конституция Исламской Республики Иран была принята в 1979 г., в 1989 г.в нее внесены некоторые изменения.

** В настоящее время президент страны Махмуд Ахмадинежад – первый с 1989 г. президент не муллы.

Исламской Революции, который активно действует в сфере бизнеса, производства и торговли вооружениями, занимается разведкой. Он также поддерживает контакты с иностранными структурами, которые многие государства считают террористическими (ливанская "Хезболла" и радикальные шиитские организации в Ираке).

Корпусом руководят люди, весьма далекие от либеральных идей – это религиозные консерваторы, назначенные на свои посты на основании двух главных критериев: личной преданности Верховному Лидеру и организаторских способностей.

В таких условиях внешняя политика Ирана часто выглядит весьма противоречиво, поскольку ее организаторы периодически не способны придти к компромиссу. В маджлисе заседает достаточно много либеральных депутатов, весьма критично настроенных по отношению к консерваторам.

Так, в 2006 г. Али Лариджани сделал несколько заявлений об исключительно мирном характере ядерной программы Ирана.

После этого последовало выступление Ахмадинежада, который призвал к уничтожению Израиля.

Еще через несколько дней выступил Аятолла Хаменеи, который поправил президента, указав, что Иран выступает против применения силы в отношении иных государств.

Многие аналитики отмечают, что президент Махмуд Ахмадинежад не имеет заметного влияния при формировании внешней политики Ирана.

Его громкие заявления не только настроили против него многие страны мира, но и вызывают недовольство у иных влиятельных руководителей Ирана.

Ахмадинежад за время своего президентства сделал ряд внутривластных шагов, которые также были крайне негативно восприняты иранской элитой, в том числе и членами его собственной партии (в результате, маджлис заблокировал три кандидатуры министров, предложенных президентом).

Немецкий автор Карл Гробе отмечает, что "при Махмуде Ахмадинежаде внешняя политика Ирана стала агрессивнее. Тегеран стремится к статусу великой державы, при этом делает ставку отнюдь не только на дипломатические средства"⁷.

Внешняя политика ИРИ строится на достаточно высоком и стабильном экономическом потенциале.

Цель Ирана в экономической сфере – стать важнейшей транзитной страной и обеспечить себе долю каппийских углеводородных ресурсов.

Укрепление нефтегазовой отрасли иранской экономики, более эффективная эксплуатация старых нефтегазовых месторождений, а также открытие новых, приток иностранных инвестиций и высокая заинтересованность в развитии этой отрасли не только иранских, но и зарубежных компаний, включая американские, – все это создает благоприятные условия для ускоренного развития иранской экономики.

Еще в ноябре 1998 г. США отказались контролировать сделки американских компаний с Ираном в области нефтехимической промышленности.

В 2002 г. исполнительные директора трех крупнейших американских нефтяных компаний провели переговоры с министром иностранных дел Ирана для обсуждения перспектив совместного сотрудничества.

Одна из крупнейших американских компаний в нефтяном бизнесе "Халлибертон", возглавлявшаяся нынешним вице-президентом США Д.Чейни (до его назначения на эту должность), открыла свое торговое представительство в Тегеране, способствовала продвижению и разработке некоторых проектов с участием западных компаний в Иране.

В ближайшей перспективе, особенно с введением в эксплуатацию новых транспортных маршрутов, разработкой новых месторождений нефти и газа, следует ожидать активизации экономического присутствия США в Иране.

Это не замедлит сказаться на усилении роли Ирана в регионе.

Следует также отметить, что иранский маршрут транспортировки нефти с Каспия является одним из выгоднейших, что ясно понимают и в американских деловых кругах.

В условиях, когда позиции России, Азербайджана, Казахстана по правовому статусу Каспия и освоению каспийских месторождений сближаются, Иран ведет крайне гибкую и не всегда предсказуемую политику по данному вопросу.

Иран и государства Закавказья

Отношения ИРИ с тремя южно-кавказскими странами неоднозначны, хотя Иран на протяжении веков имел и имеет тесные экономические и культурные связи с народами Закавказья.

Исламская Республика Иран и три закавказские республики проводят в регионе политику, исходя, прежде всего, из своих национальных интересов.

Кроме того, в кавказском регионе сплелись интересы многих стран: России, Турции, США. Поэтому вектор региональной политики каждой из этих стран определяется множеством факторов, порожденных особенностью двусторонних и многосторонних отношений в кавказском регионе: Азербайджан – Иран – Россия – США – Турция – Армения – Грузия.

Невозможно, анализируя отношения любых двух из этих государств, не учитывать характер всего комплекса их связей на этом региональном политическом поле.

В настоящее время Иран играет на повышение своих и без того не слабых позиций в регионе и использует свой потенциал, чтобы стать очень влиятельным.

Иран на Южном Кавказе придерживается политики “осторожности и

Исследовательская корпорация *RAND* пришла к выводу, что “иранская внешняя политика слишком сложна для простых оценок и прогнозов”.

Однако на протяжении последних десятилетий ее движущимися силами являются два основных принципа:

– во-первых, “идеологический” – распространение Исламской революции,

– во-вторых, “реалистический” – защита территориальной целостности Ирана и обеспечение экономических интересов страны⁸.

терпеливости”, которая характеризует последовательным сочетанием зрелости и мудрости и является показателем иранского прагматизма.

В качестве внешнего фактора, определяющего иранскую позицию на Южном Кавказе, рассматривается пересечение конкурирующих интересов в регионе. Это столкновение интересов: США, стран-членов Евросоюза, России, которая в качестве самого близкого и сильнейшего игрока только подталкивает Иран к активным действиям.

Следует учитывать, что в контексте потенциального ирано-американского конфликта Южный Кавказ представляет значительно большую опасность для Исламской Республики, чем страны, расположенные к востоку от Каспийского моря. Если из 5 центрально-азиатских республик лишь Туркменистан граничит с Ираном, то на Кавказе он имеет общую границу с Азербайджаном (611 км) и Арменией (35 км).

Более того, Северный Иран и соседний Азербайджан, образуют единое этнокультурное пространство – исторический ареал расселения азербайджанского этноса. С начала 90-х годов Баку (открыто или скрытно) покровительствует активистам сепаратистского

движения иранских азербайджанцев. Общая граница, связывающая эти два государства, расселение по обе ее стороны представителей одной нации, а также традиционные трения между Баку и Тегераном создают благоприятные условия для использования “азербайджанской карты” для дестабилизации обстановки в Иране.

Политолог из Московского центра Карнеги А.Малашенко считает, что говорить о лидирующей роли Тегерана на Южном Кавказе преждевременно. “Думается, у Тегерана на южно-кавказскую экспансию нет того объема средств, как у Запада или у России. А еще для подтверждения лидерских амбиций в регионе ему предстоит занять более внятную позицию по Нагорному Карабаху”.

ГРУЗИЯ. Отношения Ирана с Грузией можно охарактеризовать как прохладные. Тегеран, конечно, не может устраивать стремление президента Грузии М.Саакашвили к тесному союзу с США. В своей внешней политике Тбилиси ориентируется исключительно на Вашингтон. Об этом красноречиво свидетельствуют события последних 4 лет.

Несмотря на свое стремление покончить с энергетической зависимостью от России, под давлением американцев Саакашвили отказался от импорта иранского газа. В настоящее время грузинская территория рассматривается Пентагоном как наиболее подходящий плацдарм для воздушных операций ВВС США в случае военного конфликта с Ираном. Вследствие обострения отношений с Москвой и отказа от сотрудничества с Тегераном Тбилиси почти лишил себя возможности отказать Вашингтону в использовании грузинских аэродромов.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. По Гюлистанскому договору 1813 г., подписанному Российской Империей и

Персией, азербайджанцы оказались разделены между двумя державами. Причем большинство этнических азербайджанцев проживает на территории Ирана.

По оценкам специалистов, их число в этой стране достигает 17–18 млн. чел. (порядка 20–25 % населения).

Некоторые источники приводят цифры от 16 (*CIA World Factbook*) до 35 млн. иранских азербайджанцев. В самом Азербайджане проживает – около 8 млн.

Азербайджанцев и персов объединяет не только территориальная близость, но и религия: те и другие исповедуют шиизм, что, естественно, оказало влияние на формирование схожих нравов и обычаев.

Многое притягивает Иран и Азербайджан друг к другу, но многое и отталкивает. Так, уникальность азербайджанского сознания состоит в сочетании шиитской ментальности (объединительный фактор) и собственно тюркской национальной основы. Последнее и есть камень преткновения между Ираном и Азербайджаном.

Безусловно, в настоящее время этно-религиозные факторы сказываются на развитии межгосударственных отношений Азербайджана и Ирана. Однако масштаб политико-экономических и военных проблем в регионе и, в частности на Кавказе, настолько велик, что сегодня эти факторы можно назвать лишь сопутствующими, но не решающими.

В современной политической ситуации азербайджанское руководство вынуждено маневрировать между странами, соперничающими за влияние на Южном Кавказе. С одной стороны, Азербайджан зажат с юга и севера крупными региональными державами: Россией и Ираном. Оба соседа имеют массу возможностей дестабилизировать ситуацию в республике, в частности используя сепаратистские настро-

ния лезгин на севере и талышское меньшинство, а также проиранские исламские элементы на юге.

Эта угроза заставляет Баку постоянно считаться с пожеланиями Москвы и Тегерана.

В целом отношения Баку и Тегерана осложняют три проблемы:

- позиция Ирана по Карабаху;
- нерешенность вопроса о правовом статусе Каспия (здесь по многим позициям стороны придерживаются разных позиций);

- “религиозная проблема”¹⁰.

С другой стороны, коммерческие интересы азербайджанской правящей элиты тесно завязаны на западные, в частности американские, нефтяные компании, что, в свою очередь, обеспечивает США влияние в республике.

Хотя Белый дом не заинтересован в дестабилизации в Азербайджане (что особенно продемонстрировала американская реакция на ноябрьские выборы в местный парламент), но он в любой момент может изменить свою позицию.

Если И.Алиев окажется слишком несговорчивым и наотрез откажется сотрудничать с Пентагоном на иранском направлении, Вашингтон имеет возможность активно поддержать азербайджанскую прозападную оппозицию по методике уже испробованной в других странах СНГ.

Президент Азербайджана реально оценивает угрозы, исходящие как от ближайших соседей, так и заокеанских партнеров. Ключевые фигуры в азербайджанском правительстве утверждают, что территория республики “не может быть использована для гипотетического нападения США на Иран” (глава Минобороны Сафар Абиев), и “этот вопрос не стоит и не может стоять на повестке дня” (глава МИД Эльмар Мамедьяров). В это же время,

иранский посол в Баку Афшар Сулеймани заявил, что Тегеран “полностью доверяет заверениям азербайджанского руководства о невозможности использования территории республики в военных действиях против Ирана”. Если такая уверенность абсолютна, то не было бы и необходимости говорить об этом публично.

АРМЕНИЯ И ИРАН. Ирано-армянское партнерство обусловлено конфронтацией Еревана с Баку и Анкарой.

Значение связей с Ираном продиктовано для Армении, в первую очередь, перспективой покончить с зависимостью от энергоснабжения из России через грузинскую территорию. Сейчас эта задача является одной из самых приоритетных. Кроме того, стратегическое партнерство с Ираном ощутимо укрепляет позиции Армении в Карабахском конфликте.

В региональной стратегии Тегерана важность связей с Ереваном обусловлена взаимодействием в области безопасности.

Особенно это касается стремления иранского руководства предотвратить распространение американского военно-политического влияния на Южном Кавказе. В этом вопросе главной опорой Исламской Республики с армянской стороны являются представители армейского командования. Они, в свою очередь, видят в иранцах ценного союзника на случай возобновления военных действий с Азербайджаном (если переговорный процесс окончательно потерпит фиаско).

Однако политическое руководство Армении предпочитает ограничить свои отношения с Ираном вопросами энергетического и торгового сотрудничества. Официальный Ереван вовсе не желает выглядеть союзником Тегерана на фоне растущей критики в адрес иранской ядерной программы со стороны США и Евросоюза.

Действия Москвы, в частности ее решение с апреля 2007 г. повысить цену на газ, экспортируемый в республику, заставляют Ереван искать для себя новых внешнеполитических партнеров. В такой ситуации естественным выбором должно было бы стать еще большее укрепление партнерских отношений с Ираном. Однако многие представители армянского истеблишмента опасаются, что в таком случае Ереван рискует остаться ни с чем. Если военный конфликт между США и Исламской Республикой все-таки произойдет, и при этом Армения не отвернется от своего южного соседа, то в результате она пострадает вдвойне. С одной стороны, ухудшатся ее отношения с Западом, а с другой – настанет конец всем совместным армяно-иранским проектам, и, в первую очередь, армянским планам по обретению энергетической независимости от России.

На этом фоне, Тегеран вполне обоснованно опасается, что сложившейся ситуацией воспользуются Соединенные Штаты. Гарантируя армянам экономическую помощь и поддержку в Карабахском вопросе, американцы могут попытаться перетянуть их на свою сторону накануне иранской кампании. Опасения Тегерана подкрепляются сведениями об активизации, в последние месяцы, ряда влиятельных представителей армянской диаспоры в США, выступающих за переориентацию Еревана на Вашингтон.

И все-таки из всех трех закавказских республик наиболее тесные отношения сложились у мусульманского Тегерана с христианским Ереваном. Здесь играют свои роли не только экономические причины, но и прагматично политические. Иран и Армения находятся в определенной изоляции (в силу разных причин), настороженно относятся к Турции, в частности обеспокоены идеями пантюркизма. Все это

сближает две страны. Со стратегической точки зрения Армения, в представлении Ирана, – более чем просто соседнее государство, имеющее с ней исторически сложившиеся хорошие отношения обладающее влиянием среди армян, проживающих в Иране. Иран видит Армению в качестве “государства-товарища” в осаде, также изолированную и нуждающуюся в преодолении внешнего давления.

Еще один элемент иранского подхода заключается в том, что в геополитической перспективе связь Ирана с Арменией видится как тактический противовес влиянию Запада, или США.

Иран в течение длительного периода после образования новых независимых государств на Кавказе старался противостоять Турции как американского регионального доверенного лица. Однако после вмешательства США в проблемы Южного Кавказа иранская стратегия сфокусировалась на открытом противостоянии с Соединенными Штатами.

В свою очередь Армения проводит осторожную политику в отношении Ирана. При этом правительство Армении ужесточило контроль над экспортом и защитой государственных границ, а также начала тесно сотрудничать с США по нераспространению ядерного оружия.

АРМЕНИЯ – ИРАН – АЗЕРБАЙДЖАН. С расширением военной деятельности и присутствия США в регионе (включая Центральную Азию) после 11 сентября Иран ощущает большую необходимость в укреплении связей с Арменией и улучшении отношений с Азербайджаном. Грузия вычеркнута из списка, так как более тесно связана с Западом, а также в силу недостаточности иранского влияния в республике и отсутствия рычагов.

Интенсификация сотрудничества Тегерана и Еревана была воспринята без

энтузиазма в Баку, что понятно, а также в приграничных с Азербайджаном районах Ирана, населенных азербайджанцами. Заключенные в ходе недавнего визита Махмуда Ахмадинежада в Баку энергетические соглашения, по мнению экспертов, снизят подобный протестный накал.

В дни, когда иранский лидер был в Азербайджане, в Ереван на церемонию открытия четвертых Панармянских игр прибыл влиятельный вице-президент Ирана Мухаммад Али Абади, что также, по оценке наблюдателей, может служить демонстрацией равновекторного подхода Тегерана к соседям.

Тем не менее, Иран является ключевым партнером в ходе изменений в обеих странах. Вероятно, самым важным вопросом является возможность соединения двух регионов: Южного

Кавказа и Ближнего Востока, каждый из которых сталкивается с чрезвычайными геополитическими изменениями в краткосрочный и среднесрочный периоды.

Иран пытается совершить ряд опережающих шагов для того, чтобы нейтрализовать потенциальную политическую и военную угрозу на своих северных границах.

Иран реально заинтересован в сохранении статус-кво как в регионе в целом, так и в Нагорно-карабахском конфликте. Главная его цель – не допустить иностранного военного присутствия в этой зоне. Для этого Тегеран может использовать все свои возможности, чтобы воспрепятствовать расширению американского военного присутствия на Южном Кавказе и в Каспийском бассейне, в частности.

Иран и Россия на Кавказе

Отношения Ирана с Россией имеют давнюю историю.

Во время ирано-иракской войны, когда Иран, который не мог более получать вооружения от своих традиционных поставщиков – стран Запада – начал закупки советского оружия.

После распада СССР Иран старался использовать Россию для противостояния доминированию США.

Иран, как Россия, Китай и Индия, воспринимает однополярный мир весьма негативно и пытается участвовать в создании нового баланса сил.

Сотрудничество Москвы и Тегерана, однако, не привело к особо заметным результатам, поскольку Россия подозрительно относится к региональным амбициям Ирана и его поддержке исламских движений. Со своей стороны районы Ирана, находящиеся вблизи

границ России, многонациональны, поэтому Иран пытался не поддерживать выступления сепаратистов в соседних государствах, чтобы не спровоцировать проблемы на своей территории. Показательно, что Тегеран никогда не критиковал Россию за действия в Чечне.

Тем не менее, между двумя странами сохраняются зоны потенциальных конфликтов. Иран не готов принять расширение российского влияния в постсоветских государствах. Кроме того, Иран и Россия имеют различные экономические интересы.

Оценивая российско-иранские отношения член научного совета Московского центра Карнеги А.Малашенко считает, что "в интересном положении оказывается Россия, поддерживающая Иран по многим вопросам и при этом получающая сильного конкурента в этом регионе".

Таким образом, внешняя политика Ирана направлена на расширение влияния страны в регионе и мире, на укрепление отношений с ведущими государствами Европы, Ближнего Востока, Россией, Китаем, Японией и другими странами.

Иранское руководство во главе с президентом М.Ахмадинежадом, очевидно, пока не готово окончательно сформулировать новые приоритеты своей закавказской политики. Одним из фундаментальных постулатов внешнеполитической стратегии ИРИ в Закавказье и Центральной Азии является недопустимость вмешательства внешних игроков (прежде всего США) во внутренние дела региона.

Иран «с дружественных позиций» относится к соседним государствам Центральной Азии и Кавказа и твердо верит в установление в регионе мирного совместного сосуществования. При этом важными аспектами этого сосуществования являются укрепление стабильности и безопасности в регионе. Этим вопросам иранские неоконсерваторы будут уделять повышенное внимание, особенно в части разработки механизмов совместного противостояния терроризму, экстремизму, наркотрафику и контрабанде. В данном контексте Тегеран стремится наращивать взаимодействие в рамках многосторонних структур, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой Иран имеет статус наблюдателя и через которую получает возможность взаимодействовать с многосторонними объединениями СНГ (ОДКБ, ЕврАзЭС).

Главным залогом успешного развития стран региона иранская сторона считает поиск внутренних ресурсов для политического, социально-экономического, культурного развития Центральной Азии и Кавказа, что позволит увеличить степень взаимной интеграции и выйти на новый уровень формирования региональной системы безопасности. Для решения этой задачи, считает иранское руководство, необходимо преодолеть три основные угрозы: вмешательство внерегионалов, терроризм и наркотрафик.

Иранское руководство непременно подчеркивает «важный статус» Тегерана в регионе в существующих геополитических и геоэкономических реалиях. Этот тезис, безусловно, распространяется и на регионы Центральной Азии и Кавказа.

Примечания

- ¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. С. 331, 334.
- ² Максименко В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 64.
- ³ Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Affairs. Vol. 73. 1994. No. 2. P. 79.
- ⁴ Мешкин Г.Н. Проблемы и упущенные моменты активности Исламской Республики Иран в Центральной Азии и на Кавказе // www.analytica.org/article.history-2005122608035446
- ⁵ Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
- ⁶ Махди Санаи. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. Январь-февраль.
- ⁷ Гробе К. Россия в качестве могущественного союзника // Frankfurter Rundschau // www.inosmi.ru/translation/223327.
- ⁸ Иран: внешняя политика Ирана // Информационно-аналитический портал «За рубежом». 27.04.2002.
- ⁹ Сажин В. О внешней политике Исламской Республики Иран // <http://www.nr2.ru/policy/137401.html>
- ¹⁰ Назаров И. Азербайджано-иранские взаимоотношения сегодня и перспективы на ближайшие годы // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5. С. 97–98.